

Behind the Image, Beyond the Image

edited by Giovanni Argan, Lorenzo Gigante,
Anastasia Kozachenko-Stravinsky

Образ юродивого в русской агиографической традиции и проблема визуального

Nadezhda Gayevskaya

Russian Christian Humanitarian Academy, Saint-Petersburg, Russia

Abstract The image of the holy fool is the mental image of Russian culture. The study of the visual in culture allows us to solve the following tasks: to identify the mental visual characteristics and images of both hagiography and iconography, in which the national mentality is expressed; to study the genesis of cultural tradition. The connection between words and images in the cultural consciousness is determined by mental characteristics. The interpenetration is a fact of their internal structure. The word is the protograph and archetype for expressing the image of the holy fool in the image. The image of the holy fool is comprehended by the cultural consciousness from the primary hallucinatory vision to epiphany and sacred knowledge. From mask to face, from face to face, there is a vector of comprehension of the image of the fool. The aesthetics of foolishness (holy fool) has a strong position in Russian culture. The phenomenon of foolishness is mastered in the cultural consciousness from the mental characteristics of the image to the tradition of the image, from the traditional image to the history of the visual.

Keywords Holy fool. Image. Visual. Hagiography. Cultural tradition. Epiphany. Aesthetics.

Summary 1 Введение. – 2 Образ и нарратив. ‘Вхождение в подвиг’. – 3 Визуальность как социальное. Стигма. – 4 Визуальность как память. Чудо. – 5 Заключение.

1 Введение

Тема визуальности и визуального, образа и изображения получила новое развитие в культуре начала XXI века. Система визуального формируется на основе образов, воспринимаемых как культурные образцы и ментальные паттерны. Одним из таких паттернов в русской культуре стал образ юродивого, который воспринимается как социальный, содержащий информацию о социально-психологических сценариях повседневного и как религиозный, хранящий знание о нравственно-этических нормах, способах культурного охранения и выживания.

Юродство определяется как культурный и религиозный феномен социальной действительности, проявляющийся в определенном типе поведения и свойствах личности; социальный топос, вид служения. Блаженный юродивый – один из религиозных чинов в структуре чинов и типов христианской церкви. Благодаря добровольному самоуничтожению и отказу от социального статуса юродивый освобождается от ложных приоритетов профанного мира и обретает способность к связи с божественным, трансцендентным. Сущность юродства есть религиозный подвиг мнимого безумия Христа ради с целью достижения особых религиозных состояний, в которых юродивый может провидеть грех, способен к духовной брани и трансформации греховного поведения человека.

Разумного огонь не жжет, Бог не дает ему даров неистовства, яростного безумия. Делез в работе Платон и симулякр помещает между неистовым и симулякром разумного, который только имел желание стать неистовым. У Платона душа и неистовство мании связаны видением божественного. Без мании, без безумия нельзя увидеть Бога. (Делез 1998, 230)

Эти метафоры хорошо показывают сущность юродства и мнимого безумия, которое принимает на себя совершенно здоровый человек для достижения особых религиозных состояний, в которых возможно провидение, предсказание и обнаружение чужих грехов.

К.Г. Исупов, современный петербургский философ, историк русской и мировой культуры, сосредотачиваясь главным образом на христианском понимании этого феномена, определяет юродство как экстремальную форму самоотречения, вид практической религиозно-бытовой аскезы внеуставного содержания; тип святости (Исупов 2020, 277).

Агиографические тексты основной источник информации о феномене юродства. Обращение к текстам житий юродивых позволяет выявить культурную традицию, проследить ее генезис,

исследовать структуру подвига юродства и структуру образа юродивого, а также основные мотивы юродского поведения. Актуальная задача изучения визуального в культуре определяет направление данного исследования – это визуальные характеристики образа юродивого в нарративе, в слове, в тексте, в фольклоре, в агиографии. О.А. Туминская пишет:

В современном гуманитарном знании прослеживаются два направления в трактовке восприятия образа: образ как обобщенное и всеобщее отражение действительности и образ как конкретный и неповторимый случай всеобщего. В литературе художественный образ имеет двуединое начало: объективную информацию и субъективное ее восприятие. (Туминская 2021, 42)

В связи с тем, что жития могут рассматриваться как исторический источник, образный ряд жития представляет субъективное видение автором и читателем культуры и истории народа, закреплённую в каноне социально-религиозную норму и исторические свидетельства. Для характеристики образа важно, что связь слова и визуального в культурном сознании определяется ментальными характеристиками. Взаимопроникновение есть факт их внутренней структуры. Образ юродивого постигается культурным сознанием от первичного галлюцинаторного видения до прозрения и сакрального знания. От маски к лицу, от лица к лику есть вектор постижения образа юродивого. В русской культуре сильна эстетика юродства. Сущность эстетического переживания – духовная красота безобразного перед вызовом вечности. Философ XIX века И. Киреевский писал: «русский человек более золотой парчи придворного уважает наготу юродивого» (Афанасьев 2003, 101). Нагота есть символ нищеты как состояния духа.

Феномен юродства обязан своим существованием эволюции религиозного опыта и имеет свое начало в дохристианских формах. Первые сведения о феномене относятся к III-IV вв., ко времени зарождения христианской веры в Палестине и Египте. Особое развитие юродство получило у народов, исповедовавших православие, в средневековой Руси XIV-XVI вв. Первые русские юродивые – это Исаакий Печерский (XI в.) и Авраамий Смоленский (XII в.). Расцвет юродства связан с освоением северных новгородских земель, вологодских, онежских, пинежских в XIV веке. Строившиеся новые северные монастыри принимали ‘божьих’ людей, как звали юродивых, они всегда могли найти место для остановки в паломничестве в холодную зиму. Наиболее яркий образ юродивого мы находим в житие Прокопия Устюжского, совершавшего свой подвиг в городе Великий Устюг, что восточнее Вологды. Житийное описание биографии Прокопия задало канву тради-

ции юродского подвига. Выходец из далеких 'нерусских' земель, из немецкого города Любека, богатый торговый человек, купец, сменил веру католическую на православную, ушел в Хутынский монастырь под Новгородом, принял юродство Христа ради. Жил на улице зимой и летом, спал с собаками, ночевал на церковной паперти, одет был плохо.

Появление в городе неизвестного юродивого с кочергами в руках и едва прикрытого рубищем скоро обратило на него внимание жителей, он и здесь скоро сделался предметом насмешек и поругания. (Верюжский 1879, 8)

Поведение Прокопия носило символический характер, он носил три кочерги, по положению которых жители Устюга догадывались о плохом или хорошем предвестии. Мотив 'далекой неродной земли' нашел развитие в юродстве многих юродивых, выходцев из европейских городов: Исидора Ростовского, Иоанна Власатого.

Яко похаб творя, хотяща таити свое рождение, и преже бывшее отечество и преупокоиться в безмолвии, в уничижении, без славы. (Дмитриев 1958, 113)

Нет сведений о семье и родственниках юродивого, он избегает семейных и брачных отношений, он всегда один, наедине с Богом. Юродивого гонят, над ним смеются, его ругают. Он не носит одежду, будучи нагой, или одет в рваное и грязное, его внешний вид уродлив. Все это принимается юродивым и окружающими как предельное испытание, унижение и уничижение, позволяющее искупить грехи и достигнуть благодати Божьей. Так Глеб Успенский пишет о юродивом, которого видел в детстве в середине XIX века:

Он носил на теле настоящие, подлинные и притом ужасные язвы. Вериги были закованы на нем наглухо, на веки веков, а он, надевший их в молодых летах, рос, кости его раздавались, и железо въедалось в его тело. (Успенский 1922, 32)

Зародившееся в XI веке, юродство исповедуется в России до сегодняшнего дня, давая сведения к пониманию русской культуры и русского менталитета. В 1975 году под Петербургом была известна юродивая Любушка Сусанинская, в июле 2021 года умер последний юродивый псковской земли Коля Липа.

2 Образ и нарратив. 'Вхождение в подвиг'

В повествовании о жизни юродивого создается его образ. Житийный материал показывает знакомство с будущим подвижником, его домом, семьей.

О родителях его известно только, что они были Новгородские граждане и были люди благочестивые. Св. Феодор в детстве получил книжное образование. Дома проводил он время в чтении духовных книг и в домашних занятиях. Почерпая из книг уроки мудрости духовной, он тотчас же старался прилагать их к своей жизни и возрастал в повиновении своим родителям, помогая им в их трудах и занятиях. (Забелин 1896, 8)

Любил он посещать окрестные обители, непрестанно посещал городские церкви и молился там о благоденствии своих сородичей. (16)

Мотив детской смиренности, боголюбия, послушания становится устойчивым житийным топосом. Перед читателем предстает образ боголюбивого дитя.

В антитезе к нему возникает мотив иного, трагической случайности, стихии, катастрофических событий. Это внезапная потеря сознания, болезнь, удар молнии, смерть близких, – ряд аффективных переживаний. Потрясение подводит героя к границе восприятия, аффект открывает трансцендентное. В этом состоянии человек обращается к Богу, ищет Встречи с ним, возможно, защиты или указания.

Указание на будущее юродство происходит в необычных обстоятельствах в раннем детстве:

С малолетнего еще возраста с дочкою ея приключилось что-то странное: будто заболела девочка и, пролежавши целые сутки в постели, встала не похожей сама на себя. (*Сказания о Пелагии Серебрянниковой* 1967, 4)

Образ будущего юродивого дополняет свидетельство о необычном, таинственном, нереальном. Сама структура образа, создаваемого по принципу бинарных оппозиций, способствует этому восприятию.

Наступает ответная реакция профанного мира. Принять юродство, значит разрушить установленные нормы социального поведения: «те, которые видели ее, порицали ее и обвиняли», «угроживали ее и срамили, даже и били, но ничего не помогало, так и бросили» (*Сказания о Пелагии Серебрянниковой* 1967, 4). Окружающие юродивого – это семья, самые близкие люди. Затем к

Иллюстрация 1

Портрет. Святая блаженная Пелагия Ивановна (Серебренникова), Христа ради юродивая Серафимо-Дивеевского монастыря. Фототипия. Работа выполнена сёстрами Дивеевского монастыря. 1885 г. Художественные мастерские Серафимо-Дивеевского монастыря. Фототипическая бумага, картон для паспарту. 24,5 × 16,5 см. Из фондов музея Дивеевского монастыря

ним присоединяются жених или невеста, родственники, горожане, странники. И, наконец, обретенная юдоль – монастырь, а значит настоятели и монашествующие. Тексты свидетельствуют о настоящих физических мучениях:

Все же мнили его как юрода и умом погубившегося. И много досаждения и укорения и ран давали ему. (Иванов 2000, 75)

Многие, за внешнею неразумностью его поведения, не видевшие внутреннего подвига, оскорбляли блаженного, смеялись над ним, преследовали его не только насмешками и бранью, но и побоями. (Забелин 1896, 15)

Он скитался, терпеливо снося ругательства, а иногда и побои от людей безрассудных. (Краснянский 1876а, 109)

Юродивого воспринимают как другого, чужого, его ждет позор, физическое насилие. Традиционные способы проверить правду-ложь, честность или обман.

Митрополит Иоанн Зизиулас пишет о том, что «для современного человека свойственен страх Другого. В нашей культуре защита от другого является фундаментальной. Однако, мы должны помнить, что страх Другого – это сущность греха. (Зизиулас 1995, 212)

Следующий этап в создании образа юродивого – брак, свадьба. В житиях представлены различные варианты этого сюжета и показано его влияние на формирование образа юродивого:

Выросла Палага, и, как всегда водится, лишь только ей минуло 16 лет, мать постаралась поскорее пристроить дурочку-то, – выдать в замужество. Так она все представлялась дурочкой перед женихами. (*Сказания о Пелагии Серебренниковой* 1967, 5)

По убеждению родителей, Амвросий сочетался браком, но удалился тайно в великий Новгород. (*Краснянский* 1876b, 77)

Мотив отрицания брачных отношений и самого брака – устойчивый мотив и топос житийной литературы о юродивых.

Топологическая группа мотивов имеет танатологический характер. Это мотивы одиночества, покинутости, появляющиеся в описании вместе с мотивом смерти:

Промысел Божий устроил так, что вскоре он умер, оставив жену свою и трех малолетних детей сиротами. (*Сказания о Пелагии Серебренниковой* 1997, 3)

Смерть важный элемент в структуре подвига юродства. Она является рядом с юродом в момент знакового, указующего события, от стихийных сил до несчастья в доме и семье. Герой отказывается от имени, социального статуса, дома и семьи.

Он ничей сын, ничей брат, ничей отец, у него нет дома. По сути, юродивый не преследует ни одной корыстной цели. Он ничего не добивается. Ему нечего терять, он умирает каждый день. (Babington Smith, De Beausobré 1983, 26)

Демонстрация мнимого безумия обрывает последние связи с окружающими. Смерть в повседневном, профанном для жизни в ином становится сутью образа юродивого. Внешний вид юрода, костюмированность или обнаженность, детали фигуры, скрытость лица, босоноготь, судорожное бормотание в сочетании с надрывным жестом говорят не просто о табуированности, но о смертоносности. 'Носящие смерть' юроды – ритуальная фигура, через которую проявляется сакральное. Перед читателем образ

юродивого, умирающего для мира, становящегося странником в мире ином. Будучи связанный с потусторонним, образ соединяется в архетипическом сознании с образом мертвеца, что так страшит окружающих.

Момент смерти родственников становится моментом принятия решения:

Впрочем мать Пелагеи вскоре вышла за второго мужа, человека сурового и строгого. Поэтому жизнь их в доме вотчима не могла быть покойна и радостна. Неудивительно после этого, что в девочке очень рано зародилось желание уйти и никогда не вступать въ среду таких уз. (*Сказания о Пелагии Серебрянниковой* 1967, 4)

Отец Трофима скоро помер, после его смерти блаженный отрок хотел пребывать в девстве, остаться свободным от мирских связей. (*Житие преподобного Трифона Вятского* 1907, 3)

С этого дня лицо героев сокрыто под грязной повязкой, тряпкой вместо шапки или платка: «головное покрывало у нее было ветхое и непотребное», «а голову обернет како-нибудь самую грязною тряпкою, и пойдет или в церковь, или куда-нибудь на гулянье, – чтобы все ее видели» (*Сказания о Пелагии Серебрянниковой* 1967, 11).

Впереди героя ждут страдания и испытания юродства, образ приобретает завершенность, совпадает с житийным каноном и внутренней культурной памятью читателя.

3 Визуальность как социальное. Стигма

Необходимо заметить, что визуализация и видение, представление есть разновидности социального действия. Как в исследовании любого действия, в исследованиях визуального важен контекст. В восприятии агиографических образов происходит производство, репродукция и восприятие символических образов. Образ юродивого приобретает символические характеристики, становится символом. Однако для образа юродивого характерна фиксация на бытовых подробностях. Надо отметить, что это не противоречит идеализации образа. Значение вещи определяется ролью бытовых деталей в житии, которые получают в агиографии функцию отрицания действительности. Вещность переводит происходящее в трансцендентный план: бытовые реалии приобретают антибытовую функцию. Вот и одежда юрода самая ничтожная, уничижительная: «Риза вохряная с чернью, плечо голо, ноги босы, колени голы» (Филимонов 1874, 52).

Блаженному Паисию подарят рубаху, он выпачкает ее в грязи, отрежет кусок или рукав. Раздерет ее в нескольких местах и оденет. Все вокруг ругаются и смеются. Василий Самарский наберет на кладбище похоронных венков, повесит на себя. Теплогрейку оденет наизнанку, мехом наружу. Пугает всех. Григорий Пензенский носит женскую одежду: красный сарафан, кофточку на голове. (Наумов 2001, эл. публ.)

Жизнь в обыденном, реальном – жизнь неподлинная, поэтому вещи воспринимаются как символы, хранящие знание о вечном и подлинном. Так происходит стигматизация – нанесение стигмы, знака отвержения.

Современные процессы в социальном позволяют говорить о двойственности стигматизации. Показывая знаки 'испорченности', 'порчи', собственной испорченной идентичности, юродивый провоцирует окружающих на продолжение нанесения стигм в попытке управления этой идентичностью. По мнению И. Гофмана «стигма указывает на постыдный статус индивида как такового» (Гофман 2001, эл. публ.). Перверсивные реакции, возникающие в результате аффективных переживаний, способствуют переносу значения – нанося стигмы юроду, обыватель пытается управлять собственной идентичностью. Приходит осознание ее недостаточности, искаженности в грехе, а вместе с этим надежда на обретение истинной полноты идентичности личности и целостности.

Понятие социальной нормы – исторически сложившееся ценностно-функциональное ядро социальной культуры. Ненормативное поведение определяет функцию изгоя. Поведение выводит на социо-коммуникативную границу опыта восприятия и опыта переживания. В результате обостряется поле эмпирического в процессе обработки и передачи информации. Экзистенциальная коммуникация для участников усложняется приближением к сакральному. Изгой приобретает социальную значимость, становится посредником при встрече с сакральным. В христианском сознании тип изгоя разделен на несколько подтипов, одним из которых является юродство. (Гаевская 2016, 40)

Стигматы юрода обращают их свидетеля к покаянию. Ибо только отвергнув мир, подвижник мог в наибольшей степени посвятить себя Христу, стремясь обрести идентификацию в подобию. Коммуникативное пространство вокруг юрода сжимается и искажается. Связь становится односторонней, окружающие пытаются установить контакт, герой устраняется от любых контактов либо отношений, провоцируя этим всех вокруг, вызывая реакцию, взрыв, скандал. Провокация тем сильнее, чем слабее коммуникация.

Говоря о визуальном, надо отметить различие видов визуализации. Видимое и зримое, зрелище и показанное напоказ объясняются различными контекстуальными условиями и различными задачами. Скандал юродивого – это зрелище, но это и позор, уничижение и выставление на всеобщее посмеяние. Так в провокации юродивому открывается обезличенность. Когда в пространстве социального прерван возврат к индивидуальному, субъективное приобретает характеристики объективного.

Фигура юрода наделена трансцендентным смыслом, что определяет характеристики содержания, воспринимаемого нами. Внешний вид, костюмированность или обнаженность, детали фигуры, скрытость лица говорят не просто о табуированности, но о смертоносности. Участники коммуникации с юродивым, наблюдающие необычный внешний вид юродивых, испытывают волнение и тревогу. Реакция коммуникантов: страх, опасение, тревога или смех как защитные перверсивные реакции, ответ на фрустрацию. Но именно фрустрация запускает механизм галлюцинаторной стимуляции, механизм воображения. В подсознании коммуникантов рождается не просто ответная реакция, но активизируется генетическая культурная память, культурный код. Таким образом происходит ответное воссоздание значимого образа в сознании, происходит эффект удвоения образа.

Для юродивого начинается долгий путь в испытаниях, которые положил Бог для подвига необыкновенного. Окружающие проверяют, уличают юродивого всерьез, со всей силой сопротивления, которую дает страх и пробужденное подсознание. Кажется, что они готовы пожалеть, посочувствовать, но подсознательный запрет заставляет снова и снова уличать. Ответом на проверку, уличение становится нарастание депривации, самолишение. Смирение аскезы, голод, одиночество в молчании, – все служит цели обрести опору в мгновении единения с Богом: «Арсение, бежи, молчи, безмолвствуй, – та бо суть корения несогрешению» (Орлинский 2009, 37). «И молчанием великим победил их», «блаженный доблестно претерпевал все мучения, не нарушая своего молчания, так что все дивились неизреченному терпению и молчанию его», – свидетельствуют тексты жития. Молчание позволяет юродивому сохранить сакральную дистанцию. Свидетельство откровения, утешая, становится тайной, которую мы храним в молчании. Безмолвие становится условием безгрешной жизни. Так перед читателем возникает образ мученика:

При всем том ни у кого самопроизвольный мученик не искал покоя для своей плоти. Это был мученик из любви к Богу. (Вьюжский 1879, 9)

Мученичество юрода – это не муки крови, а сокровенное мученичество совести и сердца. Он – живая притча. Он соучаствует в страданиях, его призвание – это путь со-страдания. (Уэр 2005, 48)

Дальнейшее действие жития разворачивается в непрестанной молитве, ночах на паперти, страданиях от людей. Юродивого уличает все, процесс тотален. И только через многие годы открываются для героев двери монастырские:

Да вот и сама страдалица без всякого сопротивления с полною охотою оставила кров родной матери своей и с радостью отправилась в Дивеево. (*Сказания о Пелагии Серебрянниковой* 1967, 26)

И пришел от живущих там в один из монастырей, именуемый Хутыньским. И вошел он в тот монастырь, и припал к ногам преп. Варлаама и начал его молить со многими слезами. (Завадская 2003, 19)

Так в образе юродивых проявляется христианский взгляд на мир как безумие в глазах Бога. Особенно важным становится на юродском пути признание конфидента:

Отче Серафим (Саровский) сказал: эта женщина, которую ты видишь, будет великий светильник на весь мир. Выходит батюшка такой взволнованный, и объясняет, что Пелагея Ивановна великая раба Божья, и что не он ея, а она его исповедала. (*Сказания о Пелагии Серебрянниковой* 1967, 9)

Но особенным другом и очевидным свидетелем юродства его был раб Божий по имени Симеон, отец великого Стефана, епископа Пермского. (Завадская 2003, 47)

Механизм восприятия основан на воображении. Соединение восприятия и воображения есть активный синтез нашей субъективности, которая раскрывает не внешнее, но внутреннее. Но восприятие есть галлюцинация, восприятие галлюцинаторно, что порождает проблему нормы. Решение вопроса о норме принадлежит социуму. Что видит большинство, то существует, чего не видит большинство, то не существует. В соответствии с этим устанавливается граница девиации, граница между нормальным и ненормальным. Надо отметить, что состояния юродивых получают одобрение социума. Традиция одобрения сохранена и сегодня. Юродивые есть признанная обществом культурная ценность.

Можно заключить, что художественный образ произведения представляет собой продукт и форму человеческой деятельно-

Иллюстрация 2

Портрет юродивой Ксении Петровой (Ксении Петербургской).
 Конец XVIII – начало XIX века.
 Холст, масло. (из фондов Государственного Эрмитажа).
 Поступление: 1941, из ГМЭ;
 ранее: 1930 – в ИБО ГРМ с территории Смоленского кладбища.
 Морозов, 26 / IX 1930 г. Санкт-Петербург.
 Инв. № ЭРЖ-653. Каталог выставки *Портретная живопись в России XVIII – начала XX века* в выставочном центре «Эрмитаж–Выборг» (Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2018)

сти, получившей соответствующее материальное воплощение в слове. Он совмещает в себе коллективное понятие об устройстве мира и сценариях поведения.

4 Визуальность как память. Чудо

«Теперь мы видим, как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу» – эти слова из послания апостола Павла определяют парадигму исследований визуального и памяти в культуре.

Житийные тексты могут рассматриваться в антропологическом дискурсе и как предмет религиозоведческих и культурологических исследований. Эта расширение тематического пространства исследования связано с тем, что жития входят в ряд исторических источников. Агиографические тексты дают представление об истории и культуре древнего государства. Образный ряд жития представляет субъективное видение автором и читателем культуры и истории народа, сохранившиеся в визуальном и культурной памяти.

Канон хранитель памяти. При создании образа юродивого субъективное и каноническое входит во взаимодействие. При внимательном рассмотрении и изучении композиции текстов о юродивых, можно заметить, что жития написаны по такой же канонической схеме, как и жития других религиозных персонажей. Слабая позиция такого текста состоит в том, что природа агиографии не отражает противоречивого пафоса социального поведения юродивых как буйных во Христе.

Так в косноязычной речи древнерусского юродивого проборматовалась та единственная правда, что несказуема в слове; этому бормотанию отвечал 'нелепый' гротескный жест и шокирующий поступок. Поведение юродивого – это буюсловие, феномен, в котором соединены слово, жест и поступок. Уникальный терминологический аппарат выражает особые характеристики образа юродивого как в словесном, так и изобразительном тексте. Слово 'буй' – дерзкий, своевольный, буйный, выраженное в слове, жесте и поступке. Слово 'буй' дало начало понятиям 'Бую-словие', 'бую-началие', этимология которых происходит от начальной формы 'буй'. Буюсловие становится характеристикой образа юродивого и предстает в тексте жития как сакральный компонент юродства, комплекс поведенческих принципов, этико-нравственных позиций, и религиозных убеждений. (Туминская 2016, 294)

Буюсловие зафиксировано в визуальном, воображение в памяти вновь и вновь возвращается к визуальному в образе. Так происходит культурное функционирование юродства, в котором выражается провокационный характер самого явления и задействуются механизмы образности широкого характерологического спектра. В создании образа задействованы ирония, смех, гротеск, игры антиномий, что порождает аффективность восприятия и отражается в социальном. В ходе коммуникации с юродивым наблюдается поведенческая аффективность субъектов, направленная на провокацию скандала. Скандал проявляется как ноумен и как процесс, в котором унижение и поношение создают предельно высокий эмоциональный фон. В эмоциональном пространстве аффекта и надрыва формируются предпосылки к возникновению импринтинга и пробуждению архетипической памяти, и как следствие формированию культурного кода. В дальнейшем активация функции юродивого связана с механизмом памятования.

С юродивыми связано представление о чуде, чудесных знамениях и посмертных чудесах. По мнению Ю.Е. Арнаутовой, это проявления народной религиозности, которая бытует в пространстве культуры, за которой стоит архаический мифологический тип мышления, остающийся основным способом осмысле-

ния повседневности (Арнаутова 2004, 16). В качестве атрибутов народной религиозности называется стремление к чуду и социально-религиозная надежда (Уколова 2008, 583). Исследования современной агиографии показывают, что стремление к чуду как фактор народной религиозности объясняет актуальность практик почитания юродивых и их антропологическую ресурсность.

5 Заключение

Изучение визуального в культуре позволяет решить задачу определения ментальных визуальных характеристик агиографических образов, проследить генезис культурной традиции. В современной антропологии изучение визуального определяет возможности галлюцинаторных состояний и прогнозирует границы восприятия и воображения.

Исследование визуальных характеристик образа юродства позволяет понять закономерности видения и понимания мира русским человеком. Образ юродивого раскрывается в житийном повествовании, мотивы одиночества, инога, ухода, безымянности и безбрачия, смерти подготавливают читателя к восприятию трагизма юродского подвига и формируют топику юродства.

В житийном тексте образ юродивого становится видимым, визуализируется. Эти процессы способствуют деятельному проявлению в социальном, формируют уникальные механизмы парадоксального взаимодействия с миром. История юродства позволяет говорить о том, что основная сфера проявления юродства – служение в миру. Традиция подвижничества 'служения миру' находит свое особое воплощение в подвиге юродства, только юродивый имеет заслуженное в муках и страдании право говорить правду, открывать истину о грехах этого мира, обличать и уличать. Традиция отражена в тексте жития. Так в образе юродивого находят выражение социальные свойства.

Механизмы памяти и памятования, основанные на воображении, являются базовыми для визуализации образа. Архетипическая память активизируется в коммуникации с юродивым. В столкновении защитной реакции и стремления к познанию тайны сакрального возникают сформированные архетипической памятью первичные механизмы восприятия. В подвиге юродства раскрывается сущность парадоксальных антитетичных отношений профанного и сакрального миров. Каноническое и доктринальное совмещается в тексте и находит выражение, в частности, в коммеморативных мотивах. В коммеморативном дискурсе фиксируется память, места подвига юродивых становятся местами памяти и культурными топосами. Почитание христианских подвижников, юродивых и блаженных и сегодня наблюдаются как

в сельской местности, так и в городах – от провинции до крупных мегаполисов. В XX веке в культуре активны традиционные практики почитания юродивых святой блаженной Ксении Петербургской, Дивеевских юродивых, Матроны Московской, зафиксированы и новые практики почитания юродивых, в частности Матрены Петровны Мыльниковой.

Современность вносит в осмысление религиозного свои изменения, архимандрит Савва (Мажуко) говорит:

В наше время понятие о святости наполнится новым содержанием, а чин святого, святой человек будет восприниматься иначе. (Мажуко 2016, аудиозапись)

Сегодня мы видим, как юродство сохраняет свою способность обнаруживать обманность, кажущность, мнимость окружающего. Опыт подвига юродства фиксируется в культурном коде. Активизация кода происходит в коммуникации, в пространстве отношений сопереживания и со-причастия. Так рождается пространство смыслов, которое закрепляется в религиозном опыте и культурной памяти.

Библиография

- Арнаутова, Ю.Е. (2004). *Колдуны и святые. Антропология болезни в средние века*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Афанасьев, В.В. (2003). *Житница жизни*. Калуга-Козельск: Свято-Введенская Оптина пустынь.
- Верюжский, И.П., архимандрит Иоанн. (1879). *Святой праведный Прокопий, Устюжский чудотворец*. Вологда: Типография В.А. Гудкова-Белякова.
- Гаевская, Н.З. (2016). «Юродивый и социальная норма». Егоров, В.А. (ред.), *Свято-Троицкие чтения. Сборник*. Санкт-Петербург: РХГА, 39-40.
- Гофман, И. (2001). «Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью (Переведённые главы из книги: Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963)». *Социологический форум. Электронный журнал*, 1. https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf.
- Делез, Ж. (1998). *Платон и симулякр. Интенциональность и текст. Сборник*. Найман, Е.А. (ред.). Томск: Водолей.
- Дмитриев, Л.А. (1958). *Повесть о житии Михаила Клопского*. Москва: Наука.
- Житие преподобного Трифона Вятского* (1907). Москва: Синодальная типография.
- Забелин, П.Ф. (1896). *Житие святого праведного Феодора, Христа ради юродивого, Новгородского чудотворца*. Новгород: Издательство губернской типографии.

- Завадская, С.В. (ред.) (2003). *Житие Прокопия Устюжского*. Москва: Агиографический совет Русской православной церкви.
- Зизиулас, И., митрополит Пергамский. (1994). *Общение и инаковость. Континент*. 83. Париж- Москва: Издательство «Московский рабочий».
- Иванов, С.А. (2000). *Повесть о Прокопии Вятском. Сборник*. Editio princeps. Florilegium. К 60-летию Флори, Бориса Н. Москва: Наука.
- Исупов, К.Г. (2020). *Космос русского самосознания: словарь*. Москва: Центр гуманитарных инициатив.
- Краснянский, Г. (составитель) (1876a). *Житие Николая Кочанова. Месяцеслов Новгородских святых угодников*. Новгород: Типография и литография Сухова.
- Краснянский, Г. (составитель) (1876b). *Житие Арсения Новгородского. Месяцеслов Новгородских святых угодников*. Новгород: Типография и литография Сухова.
- Мажуко, Д.И., архимандрит Савва. (2016). *Новая святость. Аудиозапись выступления*. Санкт-Петербург: архив РХГА.
- Наумов, Р.А. (2001). «Меня раздели Евангелие: внешний облик юродивых Христа ради». *Духовный Собеседник*, 3(27). <http://www.vernost.ru/jurodivuyj.htm>.
- Орлинский, Е.П., архиепископ Евсевий (2009). *Алфавитный патерик, или Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов*. Москва: Сретенский монастырь.
- Сказания о Пелагии Серебрянниковой* (1967). Jordanville (NY): Holy Trinity Monastery.
- Туминская, О.А. (2016). *Икона юродивого*. Санкт-Петербург: Дмитрий Булантин.
- Туминская, О.А. (2021). *Образ юродивого в слове и изображении*. Санкт-Петербург-Калуга: Золотая аллея.
- Уколова, В.И. (2008). *Средневековая культура Западной Европы. История средних веков, I*. Москва: Издательство Московского Государственного Университета.
- Успенский, Г.И. (1922). *Парамон-Юродивый*. Харьков: Центр помощи голодающим.
- Уэр, К., епископ (2005). *Внутреннее царство*. Киев: Дух і літера.
- Филимонов, Георгий Д. (ред.) (1874). *Сводный иконописный подлинник XVIII века*. Москва: Общество древнерусского искусства.
- Babington Smith, C.; De Beausobrè, J. (1983). *A Russian Christian in the West*. London: Darton. Longman & Todd.